

Дмитрий ФУРМАН:

По оценкам и по эмоциям, которые стоят за этими оценками, я солидаризируюсь со многими здесь выступавшими, и с Баткиным в первом его выступлении, прежде всего. Но в анализе происходящего у меня с вами большие расхождения. Я пессимистично отношусь к будущему, я почти не верю, что мы обойдемся без какой-то фашистского типа спазмы, может быть, относительно "мягкой", но весьма противной. Почему?

Есть вещи, которые в принципе нельзя сделать быстро. Как женщине нужно девять месяцев, чтобы родить ребенка, иначе будет выкидыш, так нужно какое-то время для превращения страны в демократическую. Я не считаю, что Россия безнадежна, что она исключение, напротив, я уверен, что процесс демократизации — всемирный закономерный процесс. Но сколько времени он занимает? Только страны, прошедшие через глубинную религиозную реформацию, революцию, так сказать, на экзистенциальном уровне, которая создавала психологические основы свободы, — только они относительно бескровно, а некоторые просто бескровно, сразу вышли на дорогу эволюционного демократического развития. Но даже для Франции, как известно, процесс демократизации длился лет 150, если не больше: от Великой французской революции до генерала де Голля. У нас, конечно, он начался уже давно, мы уже прошли большой путь, но все же не может страна, которая недавно была при Брежневе, сразу прыгнуть в демократию.

Реплика: А Сингапур?

Не могу сказать насчет Сингапура. Очевидно, у разных культур разные ритмы. Но относительно нашей страны ясно — у нас произошла какая-то вялая, пока относительно бескровная, но все же революция. Но лишь очень немногие революции сразу приводили к демократии. В большинстве стран демократия возникала в результате "затухания" длительного цикла революций и контрреволюций.

Что такое вообще революция? Революция — определенное психическое состояние, вроде припадка, в котором есть своя внутренняя логика. И как после маниакальной стадии маниакально-депрессивного цикла идет депрессия, так после революции наступает контрреволюция, наступает бессилие. Вначале люди шумят, орут, требуют. Это стадия преувеличенной и, в общем, всегда дурацкой активности. Человек после этого обязательно выдыхается, и выдыхается до состояния, когда уже ждет: кто его в тюрьму поведет, в тюрьму, которой он, в глубине души, сам уже хочет. Он уже сидит бессильный, бери его, кто хочет. Это может быть какой-нибудь революционный вождь, и тогда он совершает скрытную контрреволюцию, как это было в нашей большевистской истории. Это может быть какой-нибудь Бонапарт. Наконец, им может быть чистый контрреволюционер — такой честный, я бы даже сказал, с нотками покаяния... Это цикл из которого, очевидно, выйти невозможно. Мы это видим, и, более того, мы этого страшимся. Это выплеснулось у Кабакова — вот он действительно что-то такое приблизительно видел. Мы это видим, но сделать ничего не можем, как человек видит, что наступает припадок, но бессилён его предотвратить. В этом цикле мы и находимся.

Почему у революции вот такой механизм? Мне кажется, что здесь проявляется некая хитрость подсознания восставшего раба. За его внешним радикализмом скрывается стремление к подмене реального символическим, глубинного поверхностным, в конечном итоге — подсознательное стремление к чему-то, близкому к исходному состоянию. Мне кажется, мы прошли многие стадии этого цикла и близки к его завершению.

Рассмотрим эту логику — логику круга, символического разрушения и возвращения — по отдельным аспектам. Рассмотрим некоторые из триумфальных наших побед. Например, триумфальная вроде победа — запрещение компартии. Какое это мощное символическое действие — запретили старого монстра!.. Но запретили этого монстра именно тогда, когда он отменил 6-ую статью, принял практически социал-демократическую программу. Все революции так поступают — убивают именно того, при ком началось освобождение — Людовика XVI (а не XV или XIV), Николая II, который все - таки ввел конституцию, а не Николая I. В 1980 году сказать "компартия преступна и ее надо запретить" было актом геройства. В 1991 году это была гнусная месть тех, кто почувствовал, что тиран слаб и уже где-то начинает каяться, и вот тут его как раз и пинают ногами.

А чего этим достигли? Раньше бегство в демократический лагерь для коммунистических функционеров было несколько рискованно — они все-таки опасались улюлюканья сзади: ах ты предатель. Был некоторый страх: все-таки оставалась за спиной некая реальная сила, которая, кто знает, вдруг снова вернется. Теперь этот страх снят. И вся эта коммунистическая, в худшем варианте, шушера рванула в демократию уже совершенно спокойно. Что же происходит в этой ситуации? Происходит "коммунизация" демократии изнутри. Опасность для демократии не в том, что эти новые "демократы" — ее идейные противники, нет, опасность в том, что они несут старую психологию. Секретарь обкома может отречься от всего марксизма-ленинизма, которым они клялись, и пойти в церковь ставить свечу, но в этом отречении он куда больше секретарь обкома, карьерист, которому не дорого ничего, кроме его постов, чем тот, который не отрекался. Последний куда более демократ, чем вся эта шобла. Это первый из результатов запрещения компартии. Дальше — полная деструктуризация политического пространства. Компартия как какая-то сила, отступающая и где-то несколько либерализирующаяся, вызывала контрсилу. Было нечто ясное. Когда она рухнула, практически шансы на создание реальной многопартийной системы исчезли. А раз не будет настоящей многопартийной системы, то ясно, что предвидится... Вот вам один из самообманов восставшего раба.

Другой пример: разрушение Союза. Опять внешне невесть какая победа. Но по моему глубочайшему убеждению, разрушение Союза многократно усилило угрозу фашизма. Пока сохранялись союзные структуры, надежда была. Сейчас у меня лично ее практически нет. Есть надежда на чудо, на героические усилия, а реальной, рациональной надежды почти нет. Страна неизбежно втягивается в войны (Украина, Грузия — это еще детский лепет, впереди разборка с Казахстаном). Это втягивание — естественный процесс. Никто особенно и не виноват в нем. Вот если бы распад Союза происходил хотя бы в течение периода двух — трех демократических выборов, тогда демократические структуры в республиках чуть-чуть бы устоялись, как-то выявились бы проблемы и получили правовое выражение, тогда опасность войн и сопутствующей им фашизации была бы во много раз меньше. Когда же это вдруг вот так хлынуло — внешне это грандиозная победа, фактически — поражение.

Та же логика действует, по-моему, и в экономике. С одной стороны, официальной доктриной становится такой капитализм, который никакому Рейгану не снился. Фридмен вместо Маркса. Но мне кажется, между шумом экономического либерализма и реальностью очень медленного движения к свободной правовой экономике есть определенная связь. Может быть, смысл этого шума как раз в том, чтобы закамуфлировать незначительность реальных перемен.

Я знаю кое-кого из теперешних лидеров. Это люди, которые никогда не решались сказать "нет" своему непосредственному начальству. О них нельзя сказать, что они были трусы, то есть слово "трус" здесь не годится — это особая порода советских интеллигентов-

бюрократов, делающих только то, что не вредит карьере. А вот развалить государство они не побоялись. На митингах не боялись кричать. Но от этого не стали храбрыми и не стали демократами. Митинги и крики — это, конечно, компенсация приниженности в реальной, повседневной жизни. Но за этим кроется еще и подсознательная хитрость: за ширмой криков изменить меньше, а не больше.

Я не согласен с Бергером. Поддерживать эту власть бессмысленно, легитимность ее сомнительна — выбрали их не как власть независимого государства. Тенденции ее очень сомнительно демократичны и возможность авторитарного "фашисткоидного" перерождения более чем реальна. Кроме того, пасть то она все равно падет — от этого никуда не денешься. И самое страшное здесь — ей не будет никакой демократической альтернативы, если в народном сознании она будет олицетворять демократию и альтернативы ей будут лишь недемократическими. Тогда ее все равно неминуемое падение будет падением демократии. Поэтому логика Бергера — поддерживать плохое, чтобы не наступило совсем кошмарное представляется мне неверной. Мне ближе позиция Крахмальниковой — надо просто честно говорить, что думаешь, стараясь сохранить себя, остаться самим собой.

Я очень приветствую такое начинание, как создание газеты. Но больших надежд на это возлагать не стоит — события разворачиваются слишком быстро, чтобы газета успела сделать свое дело. Кроме того, чисто интеллигентская идеалистическая радикально-демократическая группировка к власти у нас не придет. Она может сыграть большую роль лишь как одно из звеньев какой-то широкой коалиции, включающей разные силы, оппозиционные правительству, но не враждебные демократии. Но это уже вопрос другого рода — вопрос реальной политики.